

Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально- экономического развития Ирана на современном этапе

Кожанов Николай Александрович, ИМЭМО им. Е.М. Примакова,
Москва, Россия

Контактный адрес: n_a_kozhanov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

После победы на президентских выборах 2021 г. Э. Раиси у иранских консерваторов появился шанс дать ответ на внутренние вызовы, стоящие перед Исламской Республикой Иран (ИРИ). Провал их попыток обеспечить экономический рост в условиях санкционного давления может иметь критическое значение для судьбы Ирана и для политического будущего Э. Раиси. Между тем как внешнее санкционное давление, так и накопившиеся структурные проблемы иранской экономики являются существенными преградами для экономического развития страны. В статье автор пытается ответить на вопрос о том, почему при относительной устойчивости иранской экономики к внешним и внутренним вызовам, а также макроэкономических показателях, не всегда уступающих в своей динамике показателям иранских соседей по региону, в ИРИ существует значительная социальная напряженность, выливающаяся в периодические протестные действия, а сама экономическая ситуация оценивается как кризисная. В работе проводится анализ основных вызовов, стоящих перед руководством страны в сфере экономики, и того, насколько цели и приоритеты реализуемой им доктрины «экономики сопротивления» позволяют дать на них адекватный ответ. В итоге автор приходит к выводу о том, что сформировавшаяся в условиях агрессивной среды модель иранской экономики ставит своим приоритетом обеспечение выживания существующей политической системы, подходя к вопросам обеспечения экономического роста как вторичным и не удовлетворяя ряд потребностей населения свыше базовых. Она не способна гарантировать устойчивого комплексного социально-экономического развития, что с течением времени ведет к накоплению внутреннего напряжения в иранском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран, санкции, социально-экономическое развитие, экономика сопротивления

Введение

С момента зарождения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. иранские политики традиционно говорят о необходимости создания особой экономической системы, которая позволила бы стране противостоять внешнему давлению¹. Последние 15 лет экономическая политика правительства ИРИ была направлена на создание и поддержание так называемой «экономики сопротивления» – частично самодостаточной экономической системы с сильным государственным присутствием, основной целью которой является обеспечение выживания режима во враждебной среде². Эта система неоднократно достигала своих целей на протяжении многих лет. Несмотря на жесткие санкции, введенные против Ирана в период с 2009 по 2015 гг. и после 2018 г., иранская экономика все же не была разрушена, выстояла и даже продемонстрировала медленные темпы роста (Таблица 1). Хотя эта модель успешно предотвратила экономический коллапс, она, как это будет продемонстрировано далее, все же не в состоянии обеспечить устойчивый экономический рост, который сопровождался бы значительным улучшением социальных показателей. В результате неудовлетворенность населения условиями своего существования вызывает ставшие уже нормой для Ирана волнения и подрывает доверие к руководству страны.

Таблица 1.

ВЫБОРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИРАНА (2010–2023)
SELECTED ECONOMIC INDICATORS OF IRAN (2010–2023)

Год	Среднегодовые темпы прироста ВВП (%)	Рост цен на потребительские товары (2010=100%)	Среднегодовые темпы прироста инфляции (%)	Среднегодовой объем экспорта нефти (млн баррелей в сутки)	Доход от экспорта нефти (текущие цены, млрд. долл. США)
2010	5.8	100	10	2.2	76.75
2011	2.6	121	21	2.5	101.15
2012	-7.4	152	26	2.1	69.76
2013	-0.2	212	39	1.2	49.85
2014	4.6	248	17	1.1	51.74
2015	-1.3	282	14	1	29.98
2016	13.4	306	8.6	1.9	37.55
2017	3.8	337	10	2.2	55.34
2018	-6	394	18	1.5	66
2019	-6.8	551	40	0.651	30
2020	3.4	n/a	30.6	0.404	21
2021	4.1	n/a	40	0.8-1	25
2022*	2.7	n/a	50.3	1-1.5	36
2023*	2.3	n/a	n/a	n/a	n/a

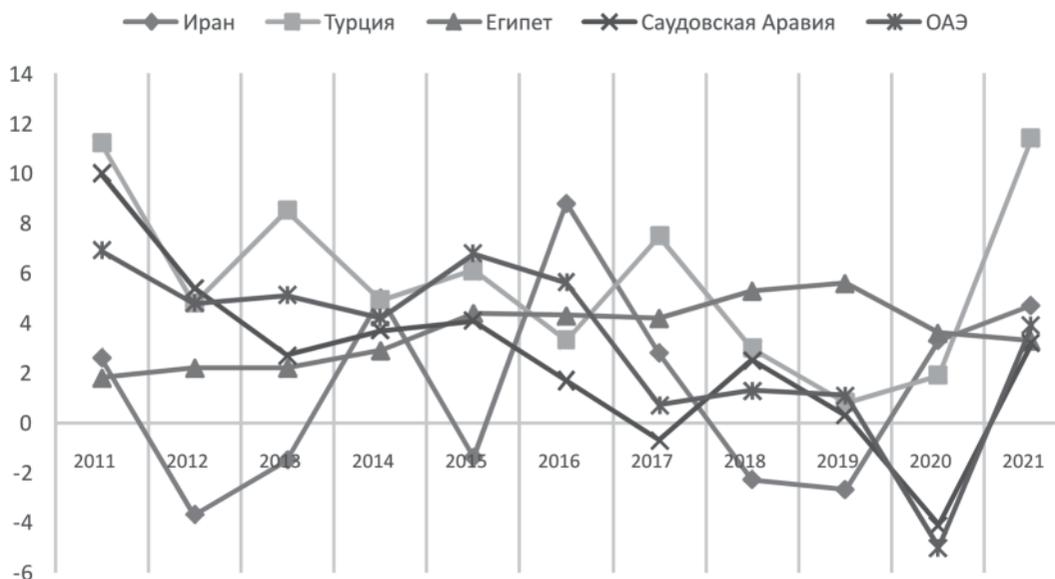
Источник: составлено автором на основе открытых данных Всемирного банка, Центрального банка Ирана, Центра исследований иранского парламента. *Данные за 2022-2023 даны оценочно

1 Khajehpour 2020.

2 Jalilvand 2018, 100-101.

График 1.

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ВВП ЕГИПТА, ИРАНА, ОАЭ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ
В 2011–2021 ГГ. (%).
GDP GROWTH RATES OF EGYPT, IRAN, UAE, SAUDI ARABIA AND TURKEY IN 2011–2021 (%).

Источник: составлено автором на основе открытых данных WorldBank.

В таких условиях главным вопросом, в том числе и этого исследования, становится существующая модель экономического развития Ирана, которая оказалась не в состоянии обеспечить социальную стабильность и устойчивое экономическое развитие, притом что формально макроэкономические показатели и их динамика в Иране далеко не всегда были худшими по региону (График 1). Иными словами, часто звучащий тезис о нежизнеспособности иранской экономики не вполне верен¹. В этой статье выдвигается гипотеза о том, что главным источником проблем иранской экономики выступает целеполагание при формулировании и реализации текущей модели экономического развития, которая, с одной стороны, отдает приоритет обеспечению выживания существующего политического строя за счет достижения частичной экономической самодостаточности (отодвигая таким образом на второе место в системе приоритетов экономический рост), а с другой стороны, удовлетворяет социальные запросы населения исключительно на минимально необходимом уровне (то есть обеспечивая базовые потребности)². Для обоснования этого тезиса в статье с опорой на теоретические работы М. Тодаро, А. Сена, С. Смита, Дж. Фостера, К. Хенди проведен анализ наиболее важных социально-экономических проблем, стоящих перед Ираном в условиях санкционного давления, и тех решений, которые предлагает доктрина «экономики сопротивления»³.

1 Khajehpour 2020.

2 Ibid, 16–18.

3 Sen 1985; Sen 1997; Foster et al. 2008; Todaro et al. 2015.

Изучая иранскую экономику

За десятилетия существования Исламской Республики Иран в международной академической среде сложился целый пласт литературы, посвященный изучению различных аспектов модели иранского экономического развития и ее эволюции. Наибольший интерес исследователей традиционно привлекает период 1980-х – начала 1990-х гг. – время реализации и последующего свертывания эксперимента по построению в Иране т.н. «исламской экономики», чьи принципы в том числе были сформулированы в книге первого президента ИРИ А. Банисадра «Экономика единобожия», а также в работах М. Садра, А. Талегани, А. Техрани¹. Указанный период наиболее подробно освещен в монографиях основоположников школы изучения экономики современного Ирана А. Арабаджяна, Дж. Амузгяра, Н. Мамедовой и А. Ширази². Благодаря этим авторам было сформировано представление о модели иранского экономического развития как о сложном феномене, при формировании которого ведущую роль сыграли идеологический фактор и фактор агрессивной внешней среды³. Еще один крупный исследователь иранской экономики Б. Хаджепур писал: «экономическая политика Ирана определялась революционными идеями, социально-экономической необходимостью и ответом на внешнее давление»⁴. С его слов, только в последние два десятилетия была сделана попытка смещения внимания при планировании экономического развития с удовлетворения базовых потребностей страны на обеспечение экономического роста. Однако успешно трансформировать иранскую экономику в этом направлении пока не удалось⁵.

К сожалению, с течением времени количество англо- и русскоязычных монографических работ, посвященных комплексным критическим исследованиям иранской экономической модели, стало сокращаться. Наиболее яркие и значимые монографии по этой проблематике вышли в 1990-х – начале 2000-х гг. и по времени своего исследования ограничены периодом до 2000 г. Последним крупным монографическим исследованием на указанную тему в англоязычной среде стала работа С. Малони, позволившая проследить преемственность в развитии иранской социально-экономической модели с момента революции 1978–1979 гг. вплоть до времени президентства Х. Рухани⁶. Однако после С. Малони крупных работ, создающих целостное понимание стратегии экономического развития Ирана, в англоязычной среде не выходило. В российском востоковедении ситуация обстоит несколько иначе. В 2022 г. ведущим российским экспертом по вопросам иранской экономики Н. Мамедовой на базе Института Востоковедения было опубликовано комплексное монографическое исследование «Исламская экономика Ирана. Теория и практика», позволившее восполнить практически 20 лет отсутствия в России крупных исследований подобного рода (если вести отсчет с рабо-

1 Banisadr 1979; Sadr 1969; Taleghani 1954; Tehrani 1974.

2 Amuzegar 1993; Schirazi 1993; Арабаджян 2002; Мамедова 1997.

3 Amuzegar 2014, 31–43; Sadjadpour 2009, 9–12.

4 Khajehpour 2020, 16.

5 Ibid.

6 Maloney 2015.

ты А.З. Арабаджяна «Исламская Республика Иран. Экономический потенциал», изданной в 2002 г. и носившей все же больше справочный характер)¹.

Вместе с тем отсутствие крупных монографических исследований вовсе не означало исчезновение интереса к вопросам иранского экономического развития на современном этапе. Наоборот, они достаточно хорошо освещены в научных статьях Н. Мамедовой, В. Сажина, А. Обуховой, В. Юртаева². В англоязычной литературе развитие иранской экономики в 2000–2022 гг. получило освещение в работах Дж. Амузгяра, Дж. Салехи-Эсфехани, Б. Хаджепура, Д. Джалильванда³. Во многом именно Дж. Салехи-Эсфехани, Д. Джалильванда и Б. Хаджепура можно считать ведущими исследователями иранской модели социально-экономического развития, принявшими эстафету у корифеев 1990-х гг., таких как Дж. Амузгяр и А. Ширази. Вместе с тем главной проблемой указанных работ является то, что, за редким исключением⁴, они все же носили узконаправленный характер и редко пытались дать обобщенную характеристику иранской экономической модели, ее слабым и сильным сторонам.

По естественным причинам особое место в исследовательской литературе занял вопрос о влиянии санкций на экономику Ирана. Здесь среди российских авторов нужно выделить работы И. Тимофеева, с разных сторон оценивающие эффективность применения санкций в отношении ИРИ и их влияние на социально-экономическое развитие страны⁵. В англоязычной научной среде исследователи традиционно ориентируются на работы (в том числе и монографического характера) Х. Аскари, К. Кацмана, Э. Море⁶. Однако у столь активного увлечения экспертами и учеными санкционным вопросом существует один негативный эффект: популярность темы отвлекает внимание исследователей от изучения структурных проблем экономики ИРИ, заставляя видеть санкции главной причиной всех проблем экономики страны⁷.

Отчасти современную нехватку академических монографических работ по анализу иранской модели социально-экономического развития компенсировали и иранские авторы, пишущие на персидском языке. Отдельно стоит отметить книги Х. Афрахте, М.Б. Бехешти, С-Х. Матии-Лангруди, И. Раззаки, позволяющие получить общее представление об основных тенденциях экономического развития Ирана в конце XX – начале XXI вв.⁸ Однако на данный момент и в самой ИРИ изучение особенностей ее экономического развития также сместилось в пользу научных статей и коллективных работ, фокусирующихся в большей степени на изучении отдельных аспектов иранской экономической модели.

Центральное место в дискуссиях, идущих в иранской академической среде относительно целей и задач экономического развития страны, помимо традиционной темы санкций, занимает вопрос о ключевых теоретических принципах экономики сопротивления (в первую очередь с т.з. их соответствия реальным

1 Арабаджян 2002.

2 Мамедова 2016; Обухова 2014.

3 Amuzegar 2014; Jalilvand 2018; Khajehpour 2020.

4 Мамедова 2016; Khajehpour 2020.

5 Тимофеев et al. 2022.

6 Askari et al. 2001; Katzman 2022; Moret 2015.

7 Katzman 2022.

8 Afrakhteh 2004; Beheshti 2005; Razzaki 2003; Matii-Langrudi 2007.

потребностями страны) и их реализуемости на практике¹. Впрочем, научные статьи, издаваемые в результате указанного обсуждения, обладают определенными недостатками, которые отчасти являются продолжением их достоинств. Эти работы носят либо чрезмерно описательный, либо специализированный характер, анализируя лишь определенный аспект применения модели «экономики сопротивления» на практике, или же, наоборот, уходят при обсуждении ее элементов вглубь теоретических основ, имеющих уже даже не экономический, а философский характер². Как результат, полной картины, включавшей бы критический анализ практического применения модели «экономики сопротивления», читатели этих статей не получают. Среди наиболее значимых коллективных работ, изданных в Иране в последнее время, можно выделить сборник статей «Экономика сопротивления» под редакцией Х. Мирджалили³. Он достаточно подробно знакомит читателей с официальными взглядами на т.н. «экономику сопротивления», а также дает возможность ознакомиться с иранскими оценками эффективности применяемых в отношении ИРИ санкций. Впрочем, говоря о самой модели экономического развития страны, авторы этого сборника весьма осторожно касаются темы ее недостатков и способов их устранения, что ни в коем случае не умаляет важности самой работы.

Отдельным видом иранской литературы (в некотором смысле и первоисточником) по вопросам экономического развития Ирана долгое время выступали аналитические заметки Исследовательского центра при парламенте ИРИ. Они носили исключительно прикладной характер, что позволяло соотнести существующие теоретические концепции иранского социально-экономического развития с опытом применения их на практике и сделать соответствующие выводы об эффективности их применения⁴. Однако с осени 2022 г. доступ через интернет к текущим исследованиям и архивам Центра для зарубежных исследователей был закрыт.

И все же несмотря на столь значительный пласт литературы по вопросам эволюции и оценки эффективности иранской экономической модели, главное внимание исследователей сосредоточено на анализе параметров экономического роста как главного показателя успешности развития ИРИ. Вместе с тем такой подход является определенным упрощением, несколько искажающим общую картину.

Экономический рост означает развитие?

В узком понимании социально-экономическое развитие ассоциируется с экономическим ростом и такими параметрами, как темпы прироста ВВП, ВНД, среднего дохода на душу населения, а также изменением уровня безработицы. Однако сейчас такой метод оценки социально-экономического развития страны через параметры экономического роста считается слишком упрощенным, т.к. не учитывает всех нюансов развития и в полной мере не отражает того, насколько

1 Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

2 Akhbari et al. 2015, 55–78; Asad 2015, 25–39; Jahaniyan 2016, 165–177.

3 Mirjalili 2020.

4 Abdollahi et al. 2022.

реализуется потенциал населения и создаются благоприятные условия для его существования¹. Современная экономика развития исходит из того, что любая экономическая модель для оценки ее эффективности должна рассматриваться в социальном контексте, предполагающем изучение сложной взаимосвязи экономических и неэкономических факторов, включая в том числе и трудноизмеримое отношение индивидуумов к жизни в данном обществе, видение ими своих перспектив². Ориентирование исключительно на рост макроэкономических параметров как единственный или главный показатель еще не позволяет говорить об успешном социально-экономическом развитии страны³. Так, по мнению А. Сена, в первую очередь важно изучить то, насколько в ходе социально-экономического развития страны для человека создаются возможности по долгосрочной реализации себя⁴. Иными словами, при определении эффективности экономической модели важную роль играют параметры возможностей, предоставляемых индивиду, специфика его взаимоотношений с государством, общественными институтами и другими членами общества⁵.

Как результат, социально-экономическое развитие подразумевает не только рост и обеспечение минимального уровня экономического благосостояния. Любая модель социально-экономического развития работает с тремя ценностными параметрами⁶:

1. Удовлетворение первичных потребностей: население должно быть обеспечено основными товарами и услугами, такими как еда, одежда и кров, которые необходимы для поддержания минимального уровня жизни.

2. Самооценка: удовлетворенность членов общества тем, как социальные, политические и экономические системы государства обеспечивают такие человеческие ценности, как уважение, достоинство, целостность существования и самоопределение.

3. Свобода социально-экономического выбора: ситуация, в которой общество имеет в своем распоряжении множество альтернатив для удовлетворения своих потребностей и индивиды пользуются реальным выбором в соответствии со своими предпочтениями.

Их успешное удовлетворение в значительной степени позволяет судить об эффективности экономической модели страны и ее вкладе в процесс социально-экономического развития. В этом ключе Иран представляет собой хороший пример того, что поверхностный анализ исключительно макроэкономических параметров не всегда в состоянии выявить корень социально-экономических проблем или объяснить причины периодических социальных волнений. Если рассматривать ситуацию вне социального контекста – иранские экономические показатели за последние 10 лет хоть и были очень нестабильными, а в последние годы демонстрировали устойчивую отрицательную тенденцию (Таблица 1), но все же еще напрямую не говорят о кризисе, наличие которого между тем уже

1 Todaro et al. 2015, 16–18.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Sen 1985; Sen 1997.

5 Foster et al. 2008.

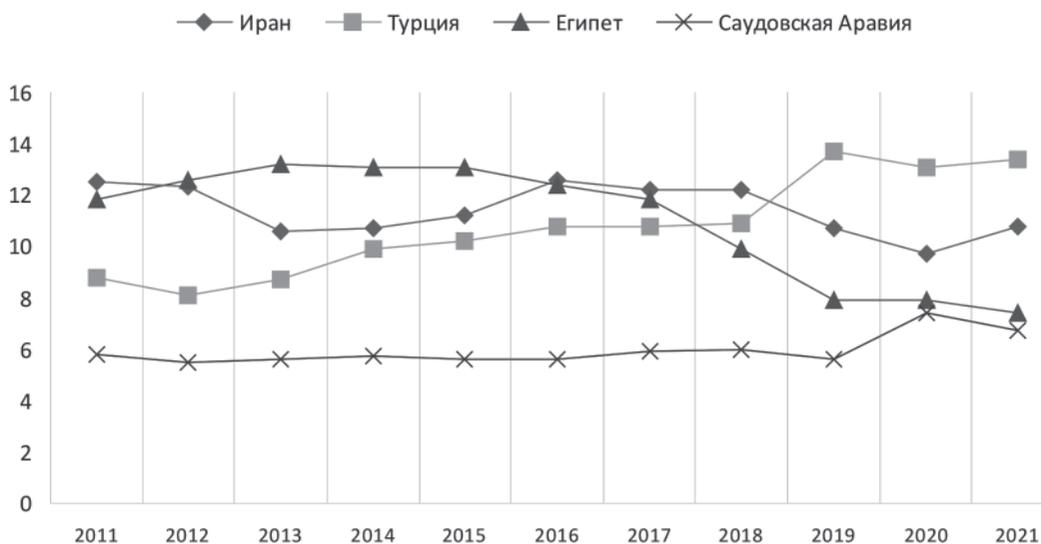
6 Todaro et al. 2015, 22.

признает и Верховный лидер Ирана С.А. Хаменеи. Так, в своем выступлении от 30 января 2023 г. он заявил о «десятилетнем отставании» иранской экономики из-за санкций, нестабильных нефтяных цен и плохого управления¹.

Более того, если сравнить темпы прироста ВВП Ирана или изменение уровня иранской безработицы с показателями его соседей и других стран ближневосточного региона, то ситуация может (отчасти ошибочно) показаться не настолько тяжелой, закономерно ставя вопрос о том, почему, например, в той же Турции при уровне безработицы в 10–13% никто долго не говорил (и в целом не говорит) о глубоком внутреннем кризисе или готовящемся социальном взрыве (График 1 и 2).

График 2.

**УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В ЕГИПТЕ, ИРАНЕ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ
В 2011–2021 ГОДАХ.
THE UNEMPLOYMENT RATE IN EGYPT, IRAN, SAUDI ARABIA AND TURKEY IN 2011–2021.**

Источник: составлено автором на основе открытых данных WorldBank.

Для понимания проблем иранской экономической модели и оценки ее эффективности необходимо учитывать контекст и, прежде всего, те вызовы, с которыми она сталкивается. Последние можно поделить на три крупные группы: последствия санкционного давления, структурные проблемы, неспособность руководства страны существенно улучшить социальную ситуацию в стране².

Санкции, экономика сопротивления и внутренние волнения

Возобновление полномасштабного применения санкций против ИРИ в 2018 г. стало серьезным стресс-тестом для предшественника Э. Раиси. Санкции

1 "Khamenei: Iran's Economy a 'Decade Behind,'" The Iran Primer, February 1, 2023, accessed January 23, 2023, <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/feb/01/khamenei-irans-economy-decade-behind>.
2 Amin Mohseni-Cheraghloou, "Déjà vu all Over Again: The Three 'I's of Gasoline Subsidies and Social Unrest in Iran," Middle East Institute, November 25, 2019, accessed January 15, 2023, <https://bit.ly/3Ua4pjQ>; Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," The Arab Gulf States Institute in Washington, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>.

усилили инфляцию, обесценили национальную валюту и ускорили рост потребительских цен¹. Таким образом, согласно официальной статистике ЦБ Ирана, по сравнению с рыночной ситуацией 2016–2017 гг. потребительские цены на отечественную продукцию в 2018, 2019 и 2020 гг. выросли на 31%, 41% и 47% соответственно. Для импортных товаров эти показатели составили 138%, 16% и 32% соответственно². Обменный курс доллара США на свободном рынке вырос с 103378 риалов за 1 долл. в 2018 г. до 228809 риалов в 2020 г.³ В этих условиях существенный рост потребительских цен на товары и услуги (Таблица 2) совпал с резким падением покупательной способности иранских домохозяйств, что привело к дестабилизации социальной ситуации в стране (Таблица 3).

Таблица 2.

ДИНАМИКА РОСТА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН В ИРАНЕ, 2016–2020 ГОДАХ (2016=100%)
DYNAMICS OF CONSUMER PRICE GROWTH IN IRAN, 2016–2020 (2016=100%)

	2016 (%)	2017 (%)	2018 (%)	2019 (%)	2020 (%)
Продукты питания	100	114	167	254	394
Аренда жилья	100	108	123	155	204
Вода	100	100	106	108	126
Топливо и электроэнергия	100	103	107	111	115
Одежда	100	106	143	219	309
Транспорт	100	107	154	241	451
Здравоохранение	100	110	129	162	205
Образование	100	111	130	156	184
Другое	100	110	163	213	284
Итого	100	110	144	203	299

Источник: составлено автором на основе открытых данных Центрального банка Ирана

Одни из наиболее масштабных за последние 10 лет протестов в Иране, которые прокатились по стране в ноябре 2019 г., были косвенно вызваны применением санкций⁴. Причиной волнений стало решение властей повысить цены на топливо. Будучи вновь лишенным в 2018 г. доступа к мировому рынку нефти, Ирану пришлось сокращать огромные социальные программы: в 2017–2018 финансовом году Тегеран потратил до 1,6% своего ВВП на поддержку низких цен на топливо. В условиях возросшего санкционного давления сохранение такого объема было уже непозволительной роскошью. 17 ноября 2019 г. во время заседания кабинета министров президент Х. Рухани открыто признал, что для оказания адекватной поддержки малообеспеченным слоям населения Ирана страна должна провести реструктуризацию и частично сократить субсидии. В тот раз правительству все же удалось справиться с ситуацией, однако спорадические демонстрации и акции протеста различной величины стали новой повседневной реальностью Ирана⁵.

1 Umar A. Farooq, and Reza Khaasteh, "How Four Years of U.S. Sanctions have Devastated Iran's Economy," Middle East Eye, May 31, 2022, accessed January 15, 2023, <https://www.middleeasteye.net/news/us-sanctions-devastate-iran-economy>.

2 *Kholase-ye Tahavolat-e Eqtesadi-ye Keshvar*. Tehran: Bank-e Mafkazi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran, 2022. (The *Overview of the Economic Changes in the Country*. Tehran: Central Bank of Iran, 2022).

3 Ibid.

4 "A Gift to Donald Trump?" The National Interest, November 23, 2019, accessed January 20, 2023, <https://nationalinterest.org/blog/buzz/gift-donald-trump-irans-fuel-price-hike-costing-it-dearly-98957>.

5 Ibid.

Таблица 3.

**РАСХОДЫ ИРАНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 2016–2020 ГОДАХ
(В ПОСТОЯННЫХ ЦЕНАХ 2016 Г., МЛН РИАЛОВ)
EXPENDITURES OF IRANIAN HOUSEHOLDS IN 2016–2020
(IN CONSTANT PRICES OF 2016, MILLION RIALS)**

	2016	2017	2018	2019	2020
Продукты питания	90	87	89	66.7	65.9
Табак	1	1	1	1	1
Одежда	17	17	13	9	8.4
Аренда жилья, топливо, электроэнергия	139	138	160	173	182
Квартплата	16	16	12	10	9
Здравоохранение	23	22	22	21	22
Транспорт	42	42	31	25	16
Услуги связи	8	8	7	8	9
Отдых и туризм	8	7	5	4	3
Образование	7	7	6	6	5
Рестораны и отели	8	8	7	6	4
Иное	33	31	25	21	19
Итого	393	385	368	348	343

Источник: составлено автором на основе открытых данных Центрального банка Ирана.

Однако считать санкции исключительным источником проблем Ирана и ограничителем его развития не приходится. Более того, руководство страны смогло создать и протестировать различные экономические методы борьбы с санкциями и их негативным влиянием на экономику, которые получили общее название «экономика сопротивления». Своими корнями она уходит в начало 1980-х гг., когда только что возникшая исламская республика столкнулась с первыми санкциями, введенными США. Именно тогда в рамках т.н. модели «экономики единобожия» (эгтесад-э тоухиди) была выдвинута идея о построении с упором на исламские традиции хозяйственной системы, способной опираться на собственные ресурсы и противостоять внешнему давлению¹. Процесс эволюции этой модели в «экономику сопротивления» занял десятилетия, что определялось постепенным негласным отказом от мессианско-романтической идеи центральной роли ислама при выработке стратегии экономического развития, призванной стать альтернативой рыночной экономике Запада, в пользу более прагматичных подходов, направленных на обеспечение выживания правящей иранской элиты. Более того, в построении экономики осажденной крепости случались и паузы, т.к. применение санкций в отношении Ирана было не всегда последовательным: так, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. ряд американских вторичных санкций просто не исполнялся третьими странами, что совпало с периодом попыток экономического и политического открытия Ирана внешнему миру и отказом от идей полной самодостаточности².

В этом смысле на протяжении 40 лет случались и послабления в экономическом давлении, и практически передышки. Самая поздняя из них произошла в 2015 – 2017 гг., когда Иран и шестерка международных переговорщиков

1 Amuzegar 1993; Amuzegar 2014, 31–43.

2 Khajehpour 2020, 16.

(Великобритания, Китай, Россия, США, Франция и Германия) подписали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД, «ядерная сделка»), подразумевавший приостановку применения ряда санкций против Ирана в обмен на ряд уступок и ограничений со стороны Тегерана в вопросах развития его ядерной программы. Итогом заключения СВПД стали два года вполне успешного экономического развития страны, закончившегося с выходом из ядерной сделки США в 2018 г. и восстановлением действия прежнего санкционного режима.

В своей нынешней форме (в том числе и с возрождением идеи опоры на собственные ресурсы – правда, уже частичной) «экономика сопротивления» сложилась с введением в отношении ИРИ наиболее жестких в ее истории санкционных мер 2010–2015 гг. и с 2018-го по настоящее время, когда Тегеран оказался практически полностью лишен доступа к международной банковской системе, иностранным инвестициям, современным технологиям в сфере нефте- и газодобычи, а также нефтехимии и доступа к морским перевозкам углеводородов. На ИРИ также было наложено эмбарго по экспорту нефтегазового сырья и импорта топлива¹.

Сама экономика сопротивления основывается на следующих принципах²:

- ускоренная диверсификация экономики с уходом от зависимости от экспорта нефти;
- оптимизация госрасходов в соответствии с реальным уровнем генерируемых доходов;
- частичная самодостаточность в производстве продуктов первой необходимости и стратегически важных товаров;
- повышение эффективности налоговой системы и ужесточение контроля за финансовым сектором и валютными потоками;
- активная внешнеэкономическая деятельность, в том числе применение нелегальных мер обхода санкций;
- сохранение системы социальной поддержки населения, в том числе за счет прямых, пусть и минимальных, выплат домохозяйствам, чтобы гарантировать их покупательскую способность (таким образом частично снимается социальное напряжение и поддерживается оборот денег в экономике).

Помимо этого государство активно поддерживает крупные национальные компании и отрасли промышленности, которые либо заняты непопадающим под санкции экспортом, либо производят аналоги иностранного оборудования и продукции, недоступных из-за санкций. За годы санкций в Иране был создан сильный нефтехимический комплекс³.

Реализация принципа частичного самообеспечения, лежащая в основе концепции «экономики сопротивления» и осуществляемая в разных формах иранскими властями с 1979 г. также принесла свои результаты. В то время как нефтяной, газовый, нефтехимический секторы и автомобилестроение (зависящие от импорта запасных частей и сырья) неизбежно стали жертвами санкций,

1 Akhbari et al. 2015, 55–78; Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

2 *Siyasatha-ye kulli-ye eqtesad-e moqavematii*. Tehran: Markaz-e ravabet-e umumi va ettelaarasi-ye vezarat-e jehad-e keshavarzi, 2014. (*General Policies of the Resistance Economy*. Tehran: The Information and Public Relation Center of the Ministry of Agricultural Jihad, 2014).

3 Baqeri et al. 2019, 111–147; Milani 2015, 5–22.

внешнеэкономическое давление и падение национальной валюты не нанесли существенного ущерба тем секторам, которые обеспечивают основные потребности людей в продуктах питания, топливе и одежде. Неудивительно, что после выхода США из СВПД в 2018 г. и восстановления санкций США нефтяной, нефтехимический, автомобильный и строительный сектора пострадали больше всего. Однако менее зависимые от внешних рынков сельскохозяйственный сектор, сектор услуг и отчасти легкая промышленность Ирана не подверглись столь прямому негативному воздействию санкций¹.

К 2021 г. «экономика сопротивления» справилась со своей главной целью: несмотря на первый сильный удар санкций в 2018–2020 гг. и негативное влияние пандемии *COVID-19*, иранской экономике удалось выжить и даже убедить руководство страны в своей прочности. Более того, страна смогла удовлетворить первичные потребности значительной части населения, соответствуя, тем самым, хотя бы одному из трех ценностных параметров, сформулированных С. Смитом и М. Тодаро.

Однако цена успеха «экономики сопротивления» была высока: такая модель способна обеспечить выживание экономики, но не устойчивое и активное развитие, сопровождающееся улучшением социальных показателей. Согласно данным МВФ, в 2018 и 2019 гг. экономика страны сократилась на 6% и 6,8% соответственно, продемонстрировав минимальные положительные тенденции роста в 2020 г. (+1,5% по данным МВФ и +0,7% по данным независимых консалтинговых компаний)². Последнее во многом определялось ростом цен на нефть и объемом экспорта иранской нефти. Между тем к 2021 г. темпы роста инфляции оценивались в 36%, а уровень безработицы составлял 10-12%, при этом по меньшей мере 33% населения жили за чертой бедности³. Впрочем, виноваты здесь были далеко не одни санкции.

Структурные проблемы

Объявив защиту экономических интересов малоимущих слоев населения одной из главных задач руководства Исламской Республики, аятолла Р. Хомейни и его последователи превратили популизм в один из главных рычагов своей внутренней политики, а также поставили исламские власти в вечную зависимость от поддержки бедных и малоимущих слоев, составлявших основную массу иранского населения как в 1980-х гг., так и сейчас⁴. Это решение сделало правящий режим в Иране чрезвычайно прочным. Создание такой системы социальных отношений внутри государства, когда власть через экономическую заботу о наиболее уязвимых слоях населения покупала бы их лояльность, было полностью оправдано в условиях агрессивной внешней среды, в которой Иран был и остается вынужден существовать. В то же время такая социальная политика имела и ряд негативных

1 Abdollahi et al. 2022.

2 "IMF: Iran's Economy Grew in 2020," The Iran Primer, April 21, 2021, accessed January 21, 2023, <https://bit.ly/3Uwyny3>.

3 Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," The Arab Gulf States Institute in Washington, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>, <https://www.imf.org/en/Countries/IRN>.

4 R.H. Akbari, and M. Witt "It's About the Price of Watermelons: Subsidy Reform in Iran," The International Affairs Review, March 28, 2011, accessed January 21, 2023, <http://www.iar-gwu.org/node/291>; Khanlu 2007, 15.

экономических последствий. Прежде всего иранское руководство должно было найти баланс между задачами экономического развития, роста и благополучия определенных слоев населения (то есть основы своего выживания). В некоторых случаях развитие приносилось в жертву выживанию, когда, например, внутренний производитель был вынужден поставлять свою продукцию на иранский рынок по искусственно заниженным ценам или был не в состоянии конкурировать с импортом более дешевой заграничной продукции¹.

С 1979 г. одной из основных мер, используемых правительством для обеспечения поддержки низших слоев городского населения, было обеспечение городов дешевыми продуктами питания, водой, электроэнергией и топливом. В результате за последние четыре десятилетия иранские власти создали сложную систему экономического управления, которая позволяла им влиять и контролировать процесс производства и распределения экономических ценностей². Эта система превратила государство в основной (если не единственный) инструмент регулирования отношений между производителями, импортерами, розничными торговцами и потребителями, а также практически полностью исключила из этого процесса механизмы рыночной экономики. Впоследствии участие государства, ограниченная рыночная свобода и отсутствие рыночной конкурентоспособности негативно повлияли на показатели эффективности иранской экономики, а также сформировали ее значительный теневой сектор³.

Кроме того, субсидии на поддержание низкого уровня цен на базовые товары, а также обширные социальные программы «поглощали» финансовые активы, которые могли быть использованы для развития экономики. Со временем эти субсидии стали тяжелым бременем для государственного бюджета, хотя за последнее десятилетие иранское правительство несколько раз пыталось их сократить. К 2020 г. только объем топливно-энергетических субсидий оценивался в 75-80 млрд долл. в год, что считалось одним из самых высоких показателей в регионе Персидского залива⁴. Иранская экономика, которая страдает от экономических санкций и существенно ограничена в источниках бюджетных доходов, все меньше и меньше способна нести такое бремя.

Значительную роль в обострении экономических проблем Ирана также сыграло банковское регулирование. Исключительная опора на идеи исламской экономики и запрет на западные модели банковского дела вынудили иранские финансовые институты выбрать особый путь развития. После исламской революции 1978–1979 гг. финансовый сектор иранской экономики был приведен в соответствие с требованиями Корана. Во-первых, был наложен строгий запрет на использование процентных ставок в их традиционном значении. Вместо этого банки были обязаны принимать участие в проектах своих заемщиков, разделяя

- 1 "Vurud-e doulat be bazar-e berenj va chay-e keshvar. (State Involvement in the Rice and Tea Markets of the Country)," Ettemad, no. 2163 (2010): 5.
- 2 R.H. Akbari, and M. Witt "It's About the Price of Watermelons: Subsidy Reform in Iran," *The International Affairs Review*, March 28, 2011, accessed January 21, 2023, <http://www.iaar-gwu.org/node/291>; Malayiry et al. 2007, 28–29.
- 3 Khajehpour 2020.
- 4 Amir Mohseni-Cheraghloou, "Déjà vu all Over Again: The Three 'I's of Gasoline Subsidies and Social Unrest in Iran," *Middle East Institute*, November 25, 2019, accessed January 15, 2023, <https://bit.ly/3Ua4pjQ>; Sara Bazoobandi, "Deepening Poverty Threatens the Social Contract in Iran," *The Arab Gulf States Institute in Washington*, October 22, 2020, accessed January 19, 2023, <https://bit.ly/3t0CA1h>.

с ними не только прибыль, но и риски. В результате иранские финансовые институты в значительной степени потеряли интерес к развитию кредитования и стали уязвимы к системным колебаниям иранской экономики. Государственный контроль, отсутствие конкуренции и изолированность от внешнего мира – все это привело к застою в банковской системе Ирана и ослабило ее роль в национальном экономическом развитии. Вынужденное (фактически полномасштабное) участие иранских банков в проектах своих клиентов стало причиной еще одного серьезного недостатка банковской системы Ирана. Финансовые институты страны превратились в своего рода «государство в государстве», в основном предоставляя деньги аффилированным с ними коммерческим фирмам. Это, в свою очередь, привело к отсутствию стимулов у иранских банков находить и удерживать клиентов, поскольку иранские банки фактически вовлечены в экономическую, а не финансовую деятельность¹.

Несмотря на очевидную необходимость экономических реформ, их осуществление в Иране было и остается трудным. Реформы банковского сектора и социальных программ неизбежно пошли бы вразрез с некоторыми идеологическими принципами правящей политической системы Ирана, которая объявила защиту социальных и экономических интересов малообеспеченных слоев населения одним из своих ключевых приоритетов, а также включение исламских элементов в управление страной².

Переход от экономического роста к социально-экономическому развитию

Последним значительным вызовом в вопросах экономического развития для Ирана является необходимость трансформировать процессы экономического развития в улучшение социальных показателей. Как показывает практика, иранская экономика испытывает с этим значительные проблемы. Более того, они не всегда связаны с санкционным давлением. В 2015–2017 гг. ослабление внешнего давления на экономику страны после принятия СВПД привело к экономическому росту. Однако этот рост не смог трансформироваться в улучшение социальных условий. Ослабление санкций только обогатило верхушку общества, еще больше углубив социальное расслоение в Иране и вызвав раздражение населения действиями кабинета Х. Рухани. Так, после незначительного снижения в 2016 г. уровень безработицы в стране вернулся к уровню 12,5% к 2018 г. (на основе официальных отчетов). Снижение курса иранской валюты продолжалось и в период частичной отмены санкций. Этот процесс сопровождался постепенным снижением покупательной способности иранских домохозяйств и высокими темпами роста потребительских цен. В течение 2015–2017 гг. темпы роста цен на отдельные продукты питания могли составить до 20%. Большой разрыв между богатыми и беднейшими слоями населения остался неизменным, равно как и доля населения, отнесенная к слоям с низким доходом³. Иранская молодежь являлась

1 Maloney 2015.

2 Ibid.

3 Abdollahi et al. 2022.

наиболее социально уязвимой, уровень безработицы среди нее, по оценкам, достигал 40%. С повторным введением санкций в 2018 г. общая ситуация только усугубилась (Таблица 4).

Таблица 4.

**ОТДЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ИРАНА НА 2015–2019 ГОДЫ
SELECTED SOCIAL INDICATORS FOR IRAN FOR 2015–2019**

Год	Продолжительность жизни	Среднее количество лет школьного образования	ИРЧП	Индекс Джини	Доля населения, живущего на или менее \$6.85 в день (2017 PPP, %)
2015	75.8	9.9	0.774	39.5	22
2016	76.0	10.0	0.784	40	22
2017	76.3	10.0	0.787	40.8	21
2018	76.5	10.1	0.785	42	22
2019	76.7	10.3	0.783	40.9	28
2020	75	n/a	n/a	n/a	n/a

Источник: составлено автором на основе открытых данных UNDP, World Bank.

Традиционно оценка уровня социального развития в Иране вызывает определенную проблему, связанную с выбором ключевых оценочных показателей. Для Ирана картина выглядит двойственной. С одной стороны, мы имеем дело со страной, где средняя продолжительность жизни высока, население имеет доступ к среднему и высшему образованию, а уровень жизни значительно выше, чем у большинства соседей страны. Все это отражено в высоком уровне ИРЧП (Таблица 4), объединяющем все вышеупомянутые показатели. Однако индекс Джини дает иную картину. Он указывает на сохраняющееся расслоение Иранского населения на очень бедных и очень богатых, что находит отражение и в показателе доли населения, живущего за чертой бедности.

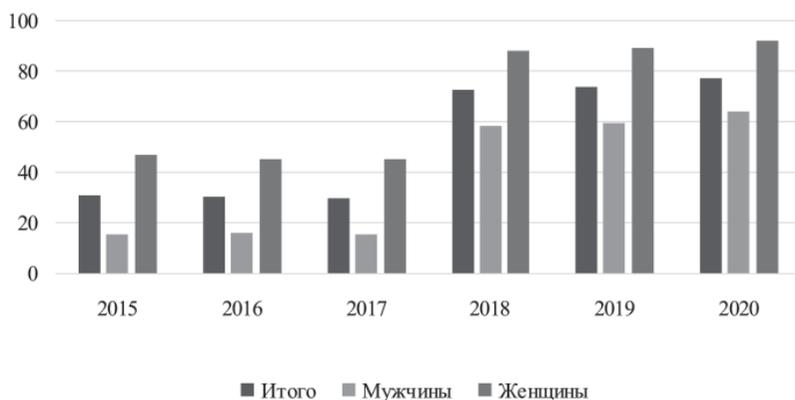
Причины такой двоякой ситуации требуют отдельного углубленного изучения, но уже сейчас можно сказать, что они уходят своими корнями в существующую модель экономического развития Ирана. По своей сути она направлена на приобретение лояльности населения путем обеспечения его основных потребностей (питание, медицинское обслуживание и жилье). Однако эта система не подразумевает сильной мотивации государства к значительному повышению экономического уровня жизни. По крайней мере, это не является приоритетом, когда страна переживает кризис, поскольку средства выделяются прежде всего для обеспечения выживания политической системы. Более того, с прагматической точки зрения дешевле удовлетворять потребности бедного населения, чем иметь дело со страной со значительным средним классом, чьи требования традиционно выше.

При отсутствии активного роста экономики практически невозможно решить одну из главных проблем современного Ирана – безработицу, которая особенно высока среди молодежи. Наиболее сложная ситуация сложилась среди самой молодой части экономически активного населения в возрасте от 15 до 24 лет. Так, со ссылкой на официальную статистику Ирана информационный сайт *Khabaronline* сообщает, что за период с 2015 по 2020 гг. доля людей, не имеющих работы или учебы, в этой категории увеличилась с 31%

до 77% (с 3,6 до 7,1 млн чел.) (График 3).¹ Дополнительное социальное давление создается тем фактом, что значительная часть молодого населения Ирана получила высшее образование, но не может извлечь из него выгоду, найдя подходящую работу.

График 3.

**ДОЛЯ НЕЗАНЯТОГО И НЕУЧАЩЕГОСЯ ИРАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ 15–24 В 2015–2020 ГГ. (%)**
**THE SHARE OF THE UNEMPLOYED AND NON-STUDYING IRANIAN POPULATION
IN THE AGE GROUP 15–24 IN 2015–2020 (%).**

Источник: составлено автором на основе открытых данных Khabaronline.ir.

Иными словами, иранская модель развития фокусируется только на обеспечении первой ценностной категории С. Смита и М. Тодаро (удовлетворение первичных потребностей), в то время как «самооценка» и «свобода» остаются вне ее рамок по причинам, описанным выше. Между тем, социально-экономическое «развитие во всех обществах должно иметь, по крайней мере, следующие три цели²:

1. Повысить доступность и расширить распределение основных жизнеобеспечивающих товаров, таких как продовольствие, жилье, здравоохранение и защита.

2. Для повышения уровня жизни, включая, в дополнение к более высоким доходам, предоставление большего количества рабочих мест, улучшение образования и уделение большего внимания культурным и общечеловеческим ценностям, все это послужит не только повышению материального благосостояния, но и формированию большей индивидуальной и национальной самооценки.

3. Расширить диапазон экономических и социальных выборов, доступных отдельным лицам и нациям, освободив их от рабства и зависимости не только по отношению к другим людям и национальным государствам, но и по отношению к силам невежества и человеческих страданий.

Если применить все три параметра к Ирану, то станет очевидно, что задачи социально-экономического развития в стране достигнуты лишь частично, создавая дополнительную социальную напряженность.

1 "Amar-i Mottanaqez va Tarsnok az Bikari-yi javan dar Keshvar (Contradictory and Frightening Statistics of Youth Unemployment in the Country)," *Khabaronline*, July 25, 2022, accessed January 31, 2023, <https://bit.ly/3DFG4eP>.

2 Todaro et al. 2015, 24.

Выводы

Иранская экономическая модель в своем современном виде возникла как ответ на агрессивную внешнюю среду и непростые внутривластные условия. Исходя из того, что ее главным приоритетом является обеспечение выживания страны и существующего политического строя в условиях давления извне, можно с полной уверенностью утверждать, что со своей задачей она в значительной степени справилась. Ей также с переменным успехом удается удовлетворять первичные потребности значительной части населения и обеспечивать пусть и неустойчивый, но все же рост. Однако экономика сопротивления испытывает серьезные трудности с обеспечением развития страны и ее общества. С одной стороны, системные проблемы иранской экономики, накопившиеся за последние 40 лет, похоже, достигли той точки, когда их больше нельзя игнорировать¹. Доминирующая роль правительства в иранской экономике; высокие административные издержки; значительный объем теневого сектора экономики Ирана; низкая эффективность частного сектора; неразвитость рыночных механизмов, сопровождаемая протекционистской политикой, создавшей искусственные благоприятные условия для иранских производителей, – входят в список проблем, которые продолжают негативно влиять на развитие Ирана².

С другой стороны, «экономика сопротивления» слабо отвечает потребностям общества в обеспечении таких ценностей, как положительная самооценка и свобода социально-экономического выбора. Пока что иранская экономическая модель была не в состоянии преобразовать даже медленный экономический рост в ускоренное социальное развитие. С середины 2010-х гг. покупательная способность и доходы иранских домохозяйств неуклонно падают. Их расходы на предметы первой необходимости, включая продукты питания, были сокращены в пользу платежей за жилье. К 2022 г. 18,4% населения Ирана жили в абсолютной нищете. Число иранцев, которые жили либо за чертой бедности, либо ниже нее, оценивалось в 60%³. Также неудивительно, что лицом иранских протестов все чаще являются женщины и молодежь, поскольку они представляют две наиболее уязвимые социальные категории иранского общества. По оценкам иранских экономистов, уровень безработицы среди женщин в стране составляет 13% по сравнению с 7,2% для мужчин. Однако эти цифры должны быть удвоены, когда речь идет о молодых людях в возрасте от 18 до 35 лет⁴.

Иными словами, источник многих нынешних и будущих социально-экономических проблем Ирана заключается не в санкциях (они выступают своеобразным катализатором), а в выбранной экономической модели и ее приоритетах. По объективным причинам сейчас обеспечению выживания иранской политической системы дается приоритет над задачами полноценного развития и роста. Однако копящееся социальное напряжение рано или поздно должно заставить руководство Ирана изменить приоритеты для достижения большей внутренней стабильности ИРИ.

1 Khajehpour 2020; Bijan Khajehpour "Deep Data: What Raisi's 'Economic Surgery' Means for Iran," Amwaj.media, June 1, 2022, accessed January 20, 2023, <https://bit.ly/3T7rYIH>.

2 Ibid.

3 "Kalebadshkafi-i naaramiha (Analysis of Unrests)," Donya-i Eqtesad, September 28, 2022, accessed January 20, 2023, <https://bit.ly/3fFuLLA>.

4 Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арабаджян, А.З. Исламская Республика Иран. Экономический потенциал. – М., 2002.
- Arabadzhan, A. *Islamic Republic of Iran. Economic Potential*. Moscow: 2002 [In Russian].
- Abdollahi, M.R., and S.M. Banitaba. *Payesh-e Bakhsh-e Haqiqi-ye Eqtesad-e Iran dar Tirmah 1401 Baksh-e San'at va Ma'dan*. Tehran: Markaz-e Pazhuhash-e Majles-e Shaura-ye Eslami, 2022.
- Abdollahi, M.R., Banitaba, S.M. *Monitoring the Real Sector of Iran's Economy in June – July 2022. Industry and Mining*. Tehran: Parliament Research Center, 2022 [In Persian].
- Afrakhte, H. *Jografiya-ye rustai-ye iran*. Tehran, 2004.
- Afrakhte, H. *Rural Geography of Iran*. Tehran, 2004 [In Persian].
- Akhbari, M., and S. Qulizadeh "Sebat-e eqtesad-e kulan dar ruykard-e eqtesad-e moqavvematī". *Ravand*, no. 71 (2015): 55–78.
- Akhbari, M., and S. Qulizadeh "Approaches of the Resistance Economy to Macroeconomic Stability". *Ravand*, no. 71 (2015): 55–78 [In Persian].
- Amuzegar, J. *Iran's Economy Under the Islamic Republic*. London, New-York, 1993.
- Amuzegar, J. *The Islamic Republic of Iran. Reflections on an Emerging Economy*. New York: Routledge, 2014.
- Asad, A. "Nezam-e eqtesad-e eslami algu-ye kamel bara-ye eqtesad-e moqavvematī." *Falsafe-ye siyasa-ye rohbardi va kulan*, no. 5 (2015): 25–39.
- Asad, A. "The Islamic Economic System as an Ideal Model for the Resistance Economy." *Falsafe-ye siyasa-ye rohbardi va kulan*, no. 5 (2015): 25–39 [In Persian].
- Askari, Hossein, John Forrer, Hildy Teegen, and Jiawen Yang. "U.S. Economic Sanctions: Lessons from the Iranian Experience." *Business Economics* 36, no. 3(2001): 7–19.
- Banisadr, A. *Eqtesad-e touhidi*. Tehran, 1979.
- Banisadr, A. *The Economics of Monotheism*. Tehran, 1979 [In Persian].
- Baqeri, A., and M. Musawi. "Mafhumshenasi-ye eatesad-e moqvemmati va tabayyun-e naqsh va jayegah-e an dar dauran-e pasotahrim." *Siyasatha-ye Mali va Eqtesai* 24, no. 6 (2019).
- Baqeri, A., and M. Musawi. "The Concept of the Resistance Economy and the Explanation of its Role in the post-Sanctions Period." *Siyasatha-ye Mali va Eqtesai* 24, no. 6 (2019) [In Persian].
- Beheshti, M.B. *Tous'e-ye eqtesadi-ye iran*. Tabriz, 2005.
- Beheshti, M.B. *The Economic Development of Iran*. Tabriz, 2005 [In Persian].
- Foster, J., and Ch. Handy "External Capabilities." In *Arguments for a Better World: Essays in Honor of Amartya Sen*, edited by K. Basu and R. Kanbur. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Jahaniyan, M. "Naqsh-e doulat dar tous'e-ye eqtesad-e gardeshgari-ye iran ba mehvariya-ye eqtesad-e moqavvematī". *Gardeshgari va tous'e*, no. 9 (2016): 156–177.
- Jahaniyan, M. "The Role of the State in the Development of the Tourism Economy in Iran with Reliance on the Resistance Economy." *Gardeshgari va tous'e*, no. 9 (2016): 156–177 [In Persian].
- Jalilvand, D. "Iranian Energy between Nuclear Deal, Oil Price Decline and the New US Administration." In *The Political and Economic Challenges of Energy in The Middle East and North Africa*, edited by D. Jalilvand and K. Westphal. New York: Routledge, 2018.
- Katzman, K. *Iran Sanctions*. Washington DC: Congressional Research Center, 2022.
- Khajehpour, B. *Anatomy of the Iranian Economy*. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs, 2020.
- Khanlu, M. "Pardakht-e 52,4 khezar millyard riyal yaraneh-ye kalaha-ye asasi dar sal-e 1386." *Barnameh*, no. 204 (2007): 12–6.
- Khanlu, M. "The Payment of 52.4 trillion Riyal Subsidies for the Basic Products in 2007/8." *Barnameh*, no. 204 (2007): 12–16 [In Persian].
- Malayiry, F., and G. Yavary. *Barrasi-ye siyasa-ye emayati az bakhsh-e keshavarzi dar keshvarha-ye muntakheb va iran*. Tehran, 2007.
- Malayiry, F., and G. Yavary. *The Analysis of Protectionist Policies in the Agricultural Sector of Selected Countries and Iran*. Tehran, 2007 [In Persian].
- Maloney, S. *Iran's Political Economy Since the Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Matii-Langrudi, S.H. *Jografiya-ye eqtesadi-ye iran*. Mashhad, 2007.
- Matii-Langrudi, S.H. *The Economic Geography of Iran*. Mashhad, 2007 [In Persian].
- Milani, J. "Eqtesad-e meeli va khodbavari-ye melli. Fursatha va chalesha-ye tahaqqoq-e an." *Majalle-ye eqtesadi*, no. 7–8 (2015): 5–22.
- Milani, J. "National Economy and National Confidence. Opportunities and Challenges of its Implementation." *Majalle-ye eqtesadi*, no. 7–8 (2015): 5–22 [In Persian].
- Mirjalili, H. *Eqtesad-e moqavvematī*. Tehran, 2020.
- Mirjalili, H. *Resistance Economy*. Tehran, 2020 [In Persian].
- Moret, Erica S. "Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria." *European Security* 24, no. 1 (2015): 120–140. <http://dx.doi.org/10.1080/09662839.2014.893427>.
- Razzaki, I. *Ashnai ba eqtesad-e iran*. Tehran, 2003.
- Razzaki, I. *Introduction to the Economy of Iran*. Tehran, 2003 [In Persian].
- Sadjadpour K. *Reading Khamenei: The World View of Iran's Most Powerful Leader*. Washington: CEIP, 2009.
- Sadr, M. *Eqtesad-e ma*. Tehran, 1969.
- Sadr, M. *Our Economy*. Tehran, 1969 [In Persian].
- Schirazi, A. *Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran*. London, 1993.
- Sen, A. "Development Thinking at the Beginning of the 21st Century." In *Economic and Social Development in the XXI Century*, edited by L. Emmerij. Washington: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Sen, A. *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: Elsevier, 1985.
- Taleghani, A. *Eslam va malekiyyat*. Tehran, 1954.
- Taleghani, A. *Islam and Ownership*. Tehran, 1954 [In Persian].
- Tehrani, A. *Eqtesad-e eslami*. Tehran, 1974.
- Tehrani, A. *Islamic Economy*. Tehran, 1974 [In Persian].
- Todaro, M., and S. Smith. *Economic Development*. New York: Pearson, 2015.
- Мамедова, Н. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века – основные тенденции

и перспективы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой. Москва: ИВ РАН, 2016.

Mamedova, N. "Iran's Economic Development in the Second Decade of the XXI Century – Main Trends and Prospects." In *Iran in the Second Decade of the XXI Century: Challenges and Prospects*, edited by N. Mamedova, M. Kameneva, and I. Fedorova. Moscow: IVRAN, 2016. [In Russian].

Мамедова, Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. – М., 1997.

Mamedova, N., *Iran in the XX Century. The Role of the State in the Economic Development*. Moscow, 1997. [In Russian].

Обухова, А. Импортно-экспортный потенциал Исламской Республики Иран // *Иран: история и со-*

временность / Под ред. Л.М Кулагиной, Н.М. Мамедовой. – Москва: ИВ РАН, 2014.

Obukhova, A. "Import-Export Potential of the Islamic Republic of Iran", In *Iran: History and Modernity*, edited by L. Kulagina, and N Mamedova. Moscow: IVRAN, 2014 [In Russian].

Тимофеев, И., Соколыцкий, Ю., Морозов, В. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. –2022. –15(4). – С. 56–71. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404>.

Timofeev, I., Sokolshchik, Y., Morozov, V. "Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the New International Context," *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 15 (2022): 56–71 [In Russian].

Сведения об авторе

Кожанов Николай Александрович,

к.э.н., с.н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23,
e-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 3 февраля 2023.

Переработана: 20 февраля 2023.

Принята к публикации: 1 марта 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кожанов, Н.А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // *Международная аналитика*. – 2023. – Том 14 (1). – С. 72–91.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91>

Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development

ABSTRACT

In recent years, conservative forces in Iran have lambasted their moderate and pragmatic rivals for their inability to solve the country's economic issues and improve the living standards of its populace. However, since Ebrahim Raisi won the presidential election in 2021, Iranian conservatives have had their own chance to tackle the country's internal challenges, being the last of the political forces without direct influence on the economic decision-making system for a long time. Nevertheless, their failed attempts to foster economic growth under sanctions pressure may prove critical to the Islamic Republic. Not only the conservative part of the establishment but the entire political system may risk losing what remains of its credibility with the Iranian people, who could perceive it as incapable of effectively managing the economy. Furthermore, the government's success in resolving the current socio-economic development issues is also pivotal to the political future of E. Raisi. His failure would deprive him of any opportunity to claim the post of the next supreme leader of Iran. Meanwhile, the accumulated structural problems of the Iranian economy and the external sanctions pressure can render achieving economic progress a daunting, if not insurmountable, task. This paper seeks to elucidate why there is significant social tension in Iran, resulting in periodic outbursts of protest, and why the economic situation is deemed a crisis, despite the relative resilience of the Iranian economy to external and internal challenges, as well as the macroeconomic performance dynamics, which are not necessarily inferior to those of Iran's regional neighbors. To answer this question, the paper analyzes the main economic challenges facing the country's leadership and the extent to which the goals and priorities of the implemented "resistance economy" doctrine provide an adequate response to them. As a theoretical tool, the author employs the ideas of M. Todaro, A. Sen, S. Smith, J. Foster, and C. Handy, justifying the need for any state to transcend the simple parameters of economic growth in formulating its development strategy and think more comprehensively, focusing primarily on creating a social and economic environment that is comfortable for its citizens. As a result, the author concludes that the model of the Iranian economy that has been formed in an aggressive environment prioritizes the survival of the existing political system, approaching the issue of economic growth as secondary and failing to satisfy some popular needs beyond the basic ones. It is incapable of ensuring comprehensive sustainable socio-economic development, which over time leads to the accumulation of internal tension in Iranian society.

KEYWORDS

Iran, sanctions, socio-economic development, resistance economy

Author

Nikolai A. Kozhanov,

PhD in Economic sciences, Senior researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, Trade Union street, 23,
e-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

Additional information

Received: February 3, 2023. Revised: February 20, 2023. Accepted: March 1, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kozhanov, Nikolai A. "Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development." *Journal of International Analytics* 14, no. 1 (2023): 72–91.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91>.